

ЖИВОЙ

Независимая газ. — 1995. — 25 сев.
«Гул затих. Я вышел на подмостки...»

Григорий Заславский

Exegi monumentum

ЛУЧШЕ бы написать тем, кто видел его на сцене — его Гамлета, Галилея, Лопахина... Но те, кто видел, уже написали — пришла моя пора.

Подросло и повзрослело поколение, не видевшее Высоцкого на сцене, знающее его по фильмам и уже меньше — по песням. А мы-то крутили одну и ту же — тогда единственную — пластинку и пару-тройку кассет до появления скрипов, шорохов, посторонних шумов — то ли пластинка заезжена, то ли барахлит мотор в проигрывателе.

Я помню, как однажды мы гуляли с родителями по бульварам и вышли к Чистым прудам, где репетировали и снимали первые кадры «Места встречи...»; я узнал Конкина, который не сходил с экрана телевизора в многосерийной эпопее «Как закалялась сталь», а Высоцкого — не узнал. И в общем, несмотря на выходной, столпотворения особенного вокруг площадки не припомню.

Странное возвращение — на страницах фотоальбома. Напечатанного в голландской типографии. Фотограф — болгарин Зафер Галибов. В дни первых зарубежных гастролей Театра драмы и комедии на Таганке в Софии 1975 года он ходил по пятам за артистами, по улицам, по коридорам театра. На репетициях и спектаклях с разрешения маэстро Любимова он щелкал своим фотоаппаратом, фиксируя на пленку, останавливая, омертвляя жизнь, чтобы через двадцать лет его фотографии (пролежавшие без толку в своем большинстве) напомнили о жизни. О театре, которого нет. О странной его эстетике. О джинсах с накладными карманами спереди, об удлиненных воротничках. О Владимире Высоцком. И его ролях — не всех, а только об увиденных Галибовым в Софии: Янг Суне в «Добром человеке из Сезуана», Гамлете, Матросе и Керенском в «Десяти днях...». Высоцкий в толпе, Высоцкий — в массовке, это те фотографии, которые мастер напечатал в пору составления авторского макета фотоальбома: бац — так это же Высоцкий, вот же он — в левом углу...

В Петербурге осиротевшая Таганка по старой сохранившейся традиции сыграет спектакль

Владимир Высоцкий. 1975 г.

«Владимир Высоцкий», который до отъезда Любимова играли тайком; запрет этого песенного представления, я помню, в интервью Русской службе Би-би-си Любимов называл среди главных причин, заставивших его остаться. Высоцкий помогает ему и сегодня: — публика на спектакль ходит несколько не меньше, чем на полусимфонические вечера в разного ранга концертные залы, где играют любимую музыку Высоцкого — Моцарта, Гайдна, Шнитке и где выступают друзья Володи — с новыми воспоминаниями, не опубликованными до сих пор (или — опубликованными и старыми).

В смысле друзей, воспоминаний, эпигонов и наследователей Высоцкому, конечно, повезло куда меньше, чем, к примеру, Вертинскому, так и оставшемуся неисследованным небожителем, с

одним-единственным вспоминателем — концертмейстером Михаилом Брехесом.

Фотографии опубликованы в альбоме без слов — без комментариев, рассказов очевидцев, даже почти без подписей. Как старая немая фильма, как фильм перед озвучкой, балет без музыки — прыжки, звук скользящих по полу пуантов. Фотографии резки, ясны очертания, но не покидает ощущение незавершенности — недопроявленности их. Точно фотографии в самом деле недодержали, и если бы еще секунду-другую помогли они в проявителе, они бы заговорили, еще малость — и можно уже разобрать шум софийских улиц, голос Любимова, крик его на репетиции, наконец, Высоцкий: «Гул затих. Я вышел на подмостки...»